

ВАСИЛИЙ
ГОЛОВАЧЁВ

**ЗАПРЕЩЁННАЯ
РЕАЛЬНОСТЬ**

ОДИНОЧКА

СМЕРШ - 2

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос = Рус)6
Г61

Серийное оформление и дизайн обложки *Юлии Межовой*

*В оформлении обложки использованы
изображения из фотобанка Shutterstock.
Авторы: iurii, Book Cover Photos, Pavel Chagochkin*

Головачёв, Василий Васильевич.
Г61 Запрещённая реальность: Одиночка. Смерш-2: [романы] / Василий Головачёв.— Москва: Издательство АСТ, 2022.— 797, [1] с.— (Звёзды советской фантастики).

ISBN 978-5-17-146687-9

Человек имеет право на выбор. Но иногда судьба решает за него, и тогда остается только действовать.

Тарас Горшин — мастер боевых искусств, только что ставший Посвященным Внутреннего Круга, хранящего тайные знания человечества.

Матвей Соболев — ганфайтер, профессиональный контрразведчик, в совершенстве владеющий приемами рукопашного боя и получивший задание узнать, кто организует хищение образцов новейшего вооружения.

Им обоим приходится вступить в борьбу с беспределом, захлестнувшим страну, и столкнуться не только с уголовниками всех мастей, коррумпированными чиновниками и «оборотнями» в системе МВД и ФСБ, но и с самим Монархом Тьмы — аморфом Конкере, нечеловеком из иной реальности Земли.

Романы «Одиночка» и «Смерш-2» открывают популярный цикл Василия Головачёва «Запрещённая реальность».

© Василий Головачёв, текст, 2002, 2007
© ООО «Издательство АСТ», 2022

ОДИНОЧКА

Светлой памяти бабушки Ани посвящаю

Если ты мне враг — кто тогда мне друг?
Леонид Филатов

Глава 1

ПОГРУЖЕНИЕ

Большее всего это походило на стремительное падение в темную пропасть, хотя никуда он не падал: так начинался спуск сознания по цепи наследственной памяти в прошлое. Учитель называл такой процесс «получением доступа к файлам генетического древа человека», самому же Тарасу нравилось другое определение: «погружение трансперсональной сферы в глубины родовой линии». По сути, он открывал тайники глубинной психики, кладовые памяти, хранившие все сведения о предках, которые жили до его появления на свет. Но ощущение быстрого погружения во тьму превалировало над другими чувствами, и Тарас отдался потоку сил, уносящему его «вниз», в бездну памяти, и лишь считал секунды, стараясь не пропустить момент выхода в нужное время и в нужном месте.

Научился он «хронопогружениям с фиксированным выходом» не сразу. Несколько раз его вышвыривало обратно в родное время с оглушающей отдачей, дважды заносило в начало времен, когда его предками были какие-то громадные существа, не оставившие в истории Земли никаких следов. И лишь благодаря подсказкам учителя Тарас наконец добился необходимой сосредоточенности и дисциплины мысли и смог контролировать свои сны-состояния, чтобы видеть и переживать то, что видели и переживали его предки сотни тысяч и миллионы лет

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ. ОДИНОЧКА

назад. На самом деле, конечно, это не он «нырял» в глубины родовой памяти, а информация о прошлых звеньях филогенеза всплывала из подсознания и проявлялась в сознании картинami жизни предков.

Но вот падение замедлилось, ощущение невесомости прошло, тьма «внизу» под ногами расцвела сполохами северного сияния, и Тарас прозрел.

Перед глазами лежала каменистая, поросшая куртинами жесткой желтоватой травы долина, окруженная цепью белоснежных гор. Темно-синее небо с висящим над горами слепящим оком солнца перечеркивали серебристые полосы облаков, похожие на инверсионные следы высотных самолетов. В центре долины высилось монолитное угрюмое сооружение необычной формы из коричневого бликующего материала, похожего на расплавленный базальт. Более всего оно напоминало форт с пятью округлыми башнями и центральным куполом — это если сравнивать его с человеческими постройками, или гигантскую раковину моллюска — если вспомнить формы, созданные неразумной земной природой. Однако Тарас в своих походах по родовой памяти уже встречался с подобными постройками и знал, что перед ним «замок» изоптеров, разумных термитов.

Разрушить подобные сооружения можно было, наверное, только с помощью ядерного взрыва, и тем не менее в куполе «замка» зиял огромный звездообразный пролом, по которому можно было судить о невероятной силе противника колонии изоптеров, который пробил стену «замка» и уничтожил его хозяев.

Над мертвым «фортом» висело в воздухе еще одно удивительное сооружение, соединенное с ним толстым колючим тросом. Его сложную форму описать было трудно, однако отдаленно оно напоминало гигантский самолет, без винтов и кабины летчиков, из желтовато-зеленого пористого материала. Фюзеляж этого «самолета» образовывали вертикальные овальные короба, или, точнее, складки из того же толстого материала, а «крылья» с бахромчатыми вздутиями на конце походили на соты, некоторые ячейки которых светились изнутри. Кроме

того, из «фюзеляжа» выросли ветвистые рога, черные кончики которых дымились, как сгоревшие в костре ветки.

И это сооружение было хорошо знакомо Тарасу. Оно представляло собой «гнездо», или летающую «крепость», разумных ос — веспидов.

Эпоха, в которую он попал после «всплытия» в нише родовой памяти, хранившей знания и переживания предка, давно сменила эпоху Инсектов на Земле, однако их сооружения жили долго и попадались на глаза часто, хотя на место разумных насекомых пришли уже новые повелители природы, потомки трансформированных блаттоптеров — люди.

Впрочем, еще не совсем люди.

Тело предка Тараса, в котором он временно «поселился», имело шесть конечностей — две ноги, сжимавшие в настоящий момент бока странного зверя, скорее всего, прирученного динозавра, и четыре руки. Одна пара рук держала поводья «коня», вторая — устрашающего вида самострел.

Конечно, самого себя (то есть предка) Тарас видеть не мог, но уже встречался с «соотечественниками» во время погружений и знал, что на людей они похожи мало, несмотря на почти человеческую голову и вполне человеческие кисти рук.

Во время хроногенетических путешествий ему встречались и еще более экзотические существа: одноглазые великаны, позднее воспетые в мифах как циклопы, трехглазые и четырехрукие гиганты восемнадцатиметрового роста и вообще жуткие монстры, похожие на помесь динозавров, крокодилов и людей. Все они были детьми трансформационной войны, вспыхнувшей между Инсектами, кроме собственно людей, которые представляли собой потомков измененных Аморфами блаттоптеров — тараканов разумных. Остальные Инсекты после вмешательства Предтеч, Первых Разумных на Земле, были сброшены ими в «энтропийную яму», то есть резко измельчали — в сто раз! — и потеряли весь свой интеллектуальный потенциал. Хотя некоторые насекомые, избежавшие общей участи в ходе трансформационной диффузии, встречались на Земле еще тысячи лет после Изменения.

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ. ОДИНОЧКА

Предок Тараса прищпорил «коня» и поскакал по склону в долину, к «форту» изоптеров. Он не был странником или открывателем земель, как другие предки, но целеустремленно обшаривал древние сооружения в поисках сохранившихся информационных банков данных. Этими «банками» могли быть и каменные плиты, и свитки, и кристаллические стержни, и многое другое, что использовали в своей деятельности Инсекты. Однако самому Тарасу нужны были только лингвотопологические носители, изменявшие форму в соответствии с изменением законов реальности. В двадцать первом веке, в котором жил Тарас Горшин, эти носители представляли собой плиты с гипертекстом, расшифровать который специалисты еще не смогли. Во времена Перволюдей, один из которых — предок Тараса — стал Хранителем опасных знаний, плиты могли быть чем угодно, от материальных предметов до голографических долгоживущих кластеров. Но главное, что тексты этих плит не надо было переводить на человеческий язык. Предки знали *метаязык*, основанный на звуках, которые не могло произносить человеческое горло, а также на Ключах понимания, и если бы плиты нашлись, через сознание предка Тарас воспринял бы и смысл послания. Искал же он по заказу учителя не что иное, как описание базовой системы самозащиты, которую разработали Перволюды и отголоски которой дошли до современников Тараса в виде иносказаний и легенд.

Впрочем, возможно, никакой базовой системы боя и не существовало, а учитель принимал желаемое за действительное и искал то, чего никогда не было.

«Форт» изоптеров приблизился, закрыл полнеба, внушая уважение и страх. Высотой он был не менее двенадцатиэтажного дома, а в диаметре достигал размеров футбольного стадиона.

Внезапно «носитель» Тараса остановился, вглядываясь в дальний конец долины, где наметилось какое-то движение. Зрение у Перволюдей было объемным, как и у всех насекомых, в то время как у людей — бинокулярным, поэтому приспособиться к такому способу обработки видеoinформации удавалось не сразу.

Сначала Тарасу показалось, что зашевелилась одна из скал на краю долины. Потом он понял, что это идет один из гигантов, вымирающие ветви которых сохранились вплоть до голоцена.

Гигант приблизился к «форту» изоптеров, ступая тяжело, с грацией слона, однако быстро и целеустремленно. Рост его достигал примерно пятнадцати метров, он был узкоплеч, не имел талии, ноги у него были толстые и по первому впечатлению гнулись где придется. Руки длинные — гораздо ниже пояса; одна болталась свободно, вторая придерживала лежащую на плече дубину, или скорее булаву с колючками. На бугристой голове, уходящей в плечи, сидело нечто вроде дырчатой шапки или шлема. Лицо у гиганта было также бугристым, с очень широким носом и узким и длинным, как у лягушки, ртом. Глаз посреди лба был один, и тоже узкий и длинный, сверкающий ледяной синью.

Он остановился у «форта», не обращая внимания на Тараса, поднял руку ко лбу козырьком, разглядывая висящую в воздухе крепость веспидов, потом начал взбираться на стену «форта», не выпуская своей огромной шипастой булавы. И, как оказалось, не зря, хотя булава ему явно мешала. В тот момент, когда гигант-циклоп взобрался на купол крепости изоптеров, из «фюзеляжа самолета» веспидов на крыло выбрался его хозяин. Но не веспид, как ожидал Тарас. Это был такой же великан, как и тот, что заинтересовался летающей крепостью, разве что трехглазый и четырехрукий.

В отличие от первого, закованного в подобие чешуйчатых лат, хозяин замка веспидов был одет в нечто косматое, вроде шкуры медведя цвета дорожной пыли, а вооружение его состояло из зазубренного меча длиной не менее десятка метров и висящих на поясе шипастых шишек, напоминающих ручные гранаты.

Некоторое время гиганты разглядывали друг друга, не торопясь начинать диалог. Затем циклоп поднял руку и гулким рыком, от которого заколебалась земля под ногами «коня» Тараса, выкрикнул какое-то непонятное слово.

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ. ОДИНОЧКА

«Самолет» веспидов дернулся, затанцевал в воздухе, словно от порыва ураганного ветра. Его нынешний хозяин взмахнул всеми четырьмя руками, но не для сохранения равновесия, как показалось Тарасу, а для того, чтобы метнуть в пришельца две шишки, которые и в самом деле оказались гранатами.

Одна из них упала на камни у стены «форта» изоптеров, вторая угодила в дыру в куполе. Раздались два мощнейших взрыва. Вспышка от первой гранаты была такой яркой, что затмила солнце. Хотя опытный предок Тараса успел закрыть глаза ладонью, Тарас все же смог оценить и яркость вспышки, и силу взрыва, образовавшего десятиметрового диаметра воронку.

Вторая граната взорвалась внутри крепости изоптеров и разворотила ее как консервную банку!

Купол взлетел на воздух, распадаясь на куски, стены же, более толстые и прочные, просто легли во все стороны лепестками тюльпана.

Циклоп, однако, успел соскочить с крыши «форта» и зычно прокричал еще одно дикое и страшное слово, от которого «самолет» веспидов подбросило вверх на добрые полсотни метров, и он начал разламываться на части.

Но и трехглазый великан уцелел. Схватившись за трос, он соскользнул по нему на землю и выпрямился во весь рост перед циклопом, не спеша с нападением, вытянул вперед свое сверкнувшее металлом грозное оружие.

Тарас затаил дыхание. Его предок тоже. Они еще не были свидетелями схватки между представителями Предтеч, хотя битвы их с различными видами Инсектов видели не раз.

Трехглазый взмахнул мечом.

Длинное зазубренное лезвие с шипением вспорол воздух, обрушилось сверху на голову циклопа и наткнулось на подставленную булаву. Раздался хруст и звон, будто столкнулись два сосуда — стеклянный и костяной. Во все стороны полетели фонтаны искр. Меч срезал часть навершия булавы, но при этом резко уменьшился в размерах — вдвое!

Трехглазый отступил, озадаченно поднес к глазам изменившийся меч, перевел взгляд на противника, который, в свою очередь, угрюмо разглядывал его.

Еще один выпад мечом, едва не доставший циклопа. Но острие меча вонзилось в подставленную булаву, и меч снова уменьшился, превратился в кинжал, задымился, раскалившись до бело-золотистого свечения. Трехглазый выронил его, но тут же подхватил с земли, попятился, решая, продолжать бой или нет.

Тарас понял, что циклоп вооружен более серьезно, чем его противник. Булава, очевидно, была силовым трансформатором или своеобразным компактификатором, изменяющим размеры и свойства объектов. К тому же циклоп знал Слово Власти, то есть владел метаязыком, также влиявшим на материальные предметы и вообще на пространственные связи. Трехглазый великан был обречен, несмотря на свои гранаты, взрывающиеся, как мощные авиабомбы.

По-видимому, это понял и он сам. Отступив еще дальше, трехглазый гигант метнул в своего противника кинжал — бывший меч, затем еще две гранаты и бросился бежать, сгибая ноги странным образом, как кузнечик.

Его атака не достигла цели. Кинжал, не долетев до циклопа, превратился в струю дыма, одна граната взорвалась еще в воздухе, выбросив длинный язык лилового пламени, а вторая не взорвалась вообще. Но и циклоп не стал преследовать противника, послав ему вдогонку короткое и энергичное *слово*, прозвучавшее как проклятие.

Трехглазый споткнулся на бегу, пробежал еще несколько десятков метров, постепенно останавливаясь, упал ничком и больше не поднялся. Смерть настигла его, странная и непонятная, прятавшаяся всего в одном сложном звуке. И даже на предка Тараса, находившегося в километре от места схватки гигантов, «проклятие» циклопа, не предназначавшееся ему, подействовало как физический удар.

У Тараса потемнело в глазах, воздух застрял в легких, остановилось сердце, и он ощутил волну страха, охватившую душу предка.

Однако все обошлось.

Сердце заработало вновь, дыхание восстановилось, глаза прозрели. Тарас напряг зрение, разглядывая разрушенный «форт» изоптеров, но никого не увидел. Пока он приходил в себя, циклоп пересек долину и скрылся за скалами. Его недавний противник остался лежать недалеко от «форта» и упавших с неба остатков крепости веспидов. Над ним уже кружили огромные черные птицы, напоминавшие летучих мышей.

Два крыла крепости все еще плавали в воздухе, а вот «фюзеляж» торчком воткнулся в камни, смятый ударом.

Предок Тараса пришпорил маловосприимчивого к шуму «коня» и подсказал к телу поверженного трехглазого великана. Вспомнилось изречение знаменитого американского гангстера Аль Капоне: «С помощью доброго слова и револьвера можно добиться гораздо большего, нежели одним только добрым словом». Но этот представитель исчезнувшего в веках племени великанов умер не от пистолета, а именно от *слова*. Хотя вряд ли доброго.

Предок спешил, постучал ногой в сапоге по руке великана, по плечу, по голове. Успокоенный, осторожно снял с пояса три оставшиеся гранаты, спрятал в седельную сумку и вскочил в седло. Он был не только запасливым человеком, но и исследователем, хранителем криптотехнологий и артефактов, созданных предшественниками Перволюдей. Гранат в его коллекции еще не было.

Вскоре он подъехал к упавшему «самолету» веспидов, снова спешил и подошел к смятому «фюзеляжу», состоящему из шести складок-коробов. Материал, из которого он был сделан, больше всего напоминал крупнопористый бетон или губку, но главное, что поры вблизи складывались в удивительную вязь неких письмён, создающую впечатление осмысленного, хотя и непонятного текста. Предок Тараса замер, сам же Тарас встрепнулся, вглядываясь в письма, покрывающие весь гигантский остов летающего дома веспидов. Это было то, что искал учитель

Тараса, — древнейшая система рун и знаков, основа метаязыка, которым когда-то владели Инсекты. Прочитать письмена, не имея Ключей смысла, было невозможно. К тому же они покрывали весь корпус обиталища разумных ос, и для их изучения и перевода потребовался бы не один месяц кропотливого труда.

Предок тем временем достал из сумки какой-то прибор из планок, трубок и объективов, приладил к голове, и Тарас практически ослеп, перестал видеть пейзаж. Все расплылось перед глазами, смазалось в цветные пятна и радуги. Прибор, очевидно, представлял собой нечто вроде оптического преобразователя, приспособленного под зрение Перволюдей, и, не зная принципов его работы — диффракция ли, интерференция, эмиссионное расщепление, спектральное расширение, — нечего было и думать о непосредственном участии в процессе изучения письмён и вообще о наблюдениях за действиями предка.

Сознание Тараса «завибрировало», сместилось в серую зону десинхронизации. Пора было возвращаться, организм требовал отключения энергоинформационного потока.

Усилием воли он «выдернул» рецепторы мысленного восприятия из сферы сознания предка и начал «всплывать» в будущее, как глубоководный батискаф сквозь толщу воды.

Сознание померкло... и снова развернулось в полном объеме.

Тарас ощутил себя сидящим в кожаном кресле в кабинете учителя. Голова кружилась, сердце работало в режиме пожарного насоса, он был потный и слабый, хотелось пить и спать.

Перед глазами сгустилась тень, превратилась в руку с большой фарфоровой чашкой. В чашке дымился густой коричневый напиток.

— Пей, — послышался низкий, басовитый голос.

Тарас послушно взял чашку и выпил горячий, вкусный, пахнущий травами напиток до дна. Глубоко вздохнул, успокаивая сердце.

Учитель стоял рядом и смотрел на него внимательно и строго. Во всем его облике сквозила необычайная уверенность, опиравшаяся на великое терпение, знание и мудрую силу.

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ. ОДИНОЧКА

Учителя звали Елисеем Юрьевичем, и шел ему шестьдесят седьмой год, хотя выглядел он на сорок пять: в светлых волосах ни единой сединки, лицо твердое, волевое, с добродушными ямочками на щеках, нос с горбинкой, а глаза темно-синие, умные и полные невероятного спокойствия.

Работал Елисей Юрьевич Смирнов экспертом-аналитиком Департамента стратегического планирования Федеральной службы безопасности, а учителем Тараса он стал по законам Внутреннего Круга, адептом которого был уже много лет. Впрочем, когда Тарас впервые встретился с ним после победы на очередных Боях без правил мирового уровня, проходивших в Новгороде, он тогда не знал ничего о Внутреннем Круге, о древних системах воинского искусства и об Инсектах, предках людей. Исполнилось тогда Тарасу всего двадцать четыре года, а прошло с тех пор ни много ни мало — двенадцать лет.

— Удачно сходил? — спросил Елисей Юрьевич, отбирая чашку.

Тарас слабо улыбнулся.

— Я нашел Тексты... но оценить их не успел. К тому же предок нацепил на себя какой-то оптический прибор, и я вообще перестал что-либо видеть.

— Транслятор, — кивнул Елисей Юрьевич. — Для идентификации смыслового ряда и применения Ключей нужен транслятор. Нам повезло, что твой предок по отцовской линии оказался не просто воином, а Хранителем знаний. Рассказывай.

Тарас потер лоб.

— Мне бы принять душ...

— Тогда иди купайся, а я пока приготовлю ужин. — Елисей Юрьевич вышел на кухню. Тарас сбросил с себя влажную от пота рубашку, направился в ванную, разделся догола, разглядывая себя в зеркале.

Занятия боевыми искусствами и изучение эзотерической литературы изменили его больше, чем это сделал бы любой гример или косметолог. Он и раньше отличался от сверстников уравновешенным и сильным характером, упорством и трудо-

любим, стойкостью перед лицом неприятностей, теперь же, после двенадцати лет занятий под руководством учителя, и вообще превратился в олицетворение уверенности и спокойствия. А иронично-решительный взгляд светло-желтых, не кошачьих, скорее тигриных глаз только подчеркивал это впечатление.

Тарас был не слишком высок — сто восемьдесят шесть сантиметров, но гибок, развит, мускулист, силен, хотя физическая сила не была основным его достоинством. Главное, он был внутренне силен и независим, что чувствовалось на расстоянии. В этом они с учителем сходились полностью. А еще они почти одинаково оценивали красоту и тяготели к мистике, хорошо зная при этом, что так называемая мистика — *реальна*.

Не мужской, скорее женский, миндалевидный разрез глаз, прямой нос, но круглый на кончике, луковкой, лица не портили. Прямые губы, чуть выдающиеся скулы, твердый подбородок. Вот и все приметы. Не ахти какой красавец, но и не урод. Если бы не чересчур упрямая и решительная складка губ, его можно было бы назвать обаятельным. Хотя, как говорил рано умерший отец Тараса: не волнуйся, сынок, если находятся женщины, любящие козлов, то найдутся и те, кто любит баранов. А ты не баран, а всего лишь упрямец.

Правда, такой женщины, которая полюбила бы упрянца, Тарас пока не встретил.

Приняв холодный душ, он насухо вытерся махровым полотенцем и вернулся в гостиную.

Глава 2

УЖИН С УЧИТЕЛЕМ

Учитель все еще возился на кухне.

Тарас было сунулся к нему предложить свою помощь, но получил отказ и устроился на своем любимом диване в гостиной, рядом со столиком, на котором всегда лежали свежие жур-

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ. ОДИНОЧКА

налы. Когда их читал хозяин, не имевший ни минуты свободного времени, было неизвестно, однако он всегда был в курсе всех политических, научных и светских событий и мог поддержать разговор на любую тему. Впрочем, удивляться его эрудиции не приходилось. Елисей Юрьевич в свое время закончил два института — радиотехнический и экономический, затем Академию внешней торговли, два года проработал пресс-секретарем президента и пять лет послом в Ватикане и представителем России в Мальтийском ордене. И все это время был сотрудником КГБ, позднее — ФСБ. А когда ему исполнилось шестьдесят лет, стал экспертом юротдела службы, а затем аналитиком Департамента стратегического планирования.

Однако и это было не все. Вряд ли кто-нибудь из его приятелей и сослуживцев догадывался, что их добродушный и неизменно вежливый коллега является Посвященным во Внутренний Круг человечества, о существовании которого складывались легенды.

Сам Тарас узнал о Круге всего лишь два года назад, когда прошел первую стадию инициации к Посвящению в Круг и стал кшатрием. В то время первый ученик Елисея Юрьевича внезапно изменил свое отношение к учителю, и пути их разошлись. Ученика звали Дмитрием Щербанем, Тарас знал его, но так и не понял, что произошло. На его прямой вопрос Елисей Юрьевич ответил уклончиво, мол, каждый оценивает свои силы сам, и лишь много позже Тарасу удалось выяснить, что Дмитрий потребовал от учителя прямого выхода на иерархов Внутреннего Круга, чтобы получить Посвящение экстерном, минуя ступени реализации. Елисей Юрьевич ответил отказом, и взбешенный Дмитрий ушел, пообещав дойти до главного иерарха и заменить его.

Тарас не знал, чем закончился демарш Дмитрия, он с ним больше не встречался, а учитель избегал говорить об этом. Но Дмитрий был упрям, настойчив, силен, виртуозно владел боевой гиперборейской системой «наваждение» и всегда добивался своего. Дружить с ним было невозможно, враждовать опасно. Учитель однажды обмолвился, назвав его Конкере, но что